

УДК 321.01

В. Н. Семенова

канд. филос. наук, доц., доц. каф. социальной политики и идеологии
Академии управления при Президенте Республики Беларусь
e-mail: vl.semenova@gmail.com

ПОТЕНЦИАЛ КОСМОПОЛИТИЗМА КАК НОВОЙ УНИВЕРСАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ*

Анализируются основные подходы к пониманию сущности глобализации, характеризуется новый виток глобализационных процессов начала XXI в. Выделяются и рассматриваются прогностические векторы развития современного мира – «новое средневековье» и «глобальное общество». Рассматривается потенциал космополитизма как новой универсальной идеологии. Проводится сравнительный анализ понятий «глобализация», «глобализм», «космополитизм», «постмодернизм». Делается вывод о неизбежности формирования новой глобальной идеологии в XXI в.

Введение

Понятие глобализации прочно вошло в терминологию гуманитарных и социально-политических наук. Невозможно отрицать усиление глобализационных процессов в последней трети XX – начале XXI в., затрагивающее практически все географические регионы мира и проявляющееся во всех сферах мировой цивилизации.

Цель статьи – раскрыть потенциал космополитизма как новой глобальной идеологии XXI в. Достижение поставленной цели осуществляется посредством решения следующих задач:

- 1) анализ основных подходов к пониманию глобализации; выявление особенностей современного этапа глобализационных процессов;
- 2) характеристика доминантных сценариев глобального политического развития;
- 3) рассмотрение институционального исчерпания модерна и формирование новых ценностных установок постмодерна;
- 4) обоснование необходимости создания новой глобальной идеологии в XXI в.

Дэвид Хелд в исследовании «Космополитизм. Идеалы и реальность» (2010) выделяет четыре типа глобализационных трансформаций. Первый связан с распространением социальной, политической и экономической деятельности на все страны, регионы и континенты вне зависимости от существующих государственных границ. Второй тип изменений обусловлен резкой интенсификацией этих процессов, ростом масштабов экономических, политических и культурных взаимосвязей и обменов. Третий тип глобализации связан с временным ускорением глобальных взаимодействий как следствие увеличения скорости распространения идей, товаров, информации, капитала. Четвертый тип глобализации обусловлен тем, что отдельные локальные события сегодня могут иметь значительное влияние на другие регионы и иметь огромные глобальные последствия. В этом смысле, отмечает Д. Хелд, границы между локальными и глобальными процессами в наши дни становятся совершенно нечеткими [1, с. 29].

Глобализационный виток начала XXI в. существенно отличается от предшествующего этапа последней трети XX в. Это эпоха постсовременности – радикальной

*Статья написана при поддержке гранта БРФФИ в рамках темы «Антропологические и аргументологические основания межкультурной коммуникации и диалога культур» (№ Г18Р-211 от 30.05.2018).

смены научных и цивилизационных парадигм, революций в научной, информационной и технологической сферах. Глобализация начала XXI в. нацелена не просто на углубление процессов интеграции и унификации; ее стратегической целью является формирование «глобального общества» с перспективой создания новой, скорее всего, пост-человеческой цивилизации.

Несмотря на наличие субъективных факторов глобализации (например, политических субъектов, «подталкивающих» или тормозящих глобализационные процессы), глобализация в начале XXI в. представляет собой объективный феномен. Противоречивый характер развития постсовременности заключается в том, что одни и те же факторы приводят сегодня к различным последствиям: усилению унификации и одновременно разобщению; глобализации и глокализации; технологической революции и архаизации целого ряда обществ; расширению свободы и созданию новых тоталитарных государств. Так, космополитизм отчетливо представляет собой смесь двух типов импульсов, отрицательного и положительного. Негативный аспект имеет в виду отрыв от места рождения или проживания, выход за рамки традиций, устоявшихся конвенций, предрасудков и обязательств. Позитивный импульс предполагает членство в некоем более крупном, сильном и авторитетном сообществе [2, с. 2].

Критики глобализации (например, экономист Дж. Стиглиц, социологи Р. Робертсон и Х. Хондхер, философы Н. Хомски, А. С. Панарин и др.) вскрывают ее оборотную сторону, связанную с регионализацией; глокализацией; нарастанием этнических, конфессиональных, цивилизационных, экономических и социальных противоречий; интенсификацией религиозного фундаментализма, национализма и этноцентризма как «ответов» на глобализационные «вызовы». И. Валлерстайн называет разговоры о «новом мировом порядке» «пустыми заклинаниями», а по мнению Д. Белла, в эпоху разобщенности новое мировое правительство не появится еще в течение нескольких веков.

Единого и однозначного вектора глобализационного развития не существует. Можно вести речь о нескольких доминантных прогностических сценариях, к которым относятся:

1) «неофеодальное» разделение мира на достаточно автономные анклавы: территории, технологически и культурно высокоразвитые, и территории, обреченные на архаизацию, варваризацию, социально-экономическое и технологическое отставание [3; 4] (в данном сценарии проявляется противоречивый характер глобализации);

2) создание в XXI в. единой глобальной человеческой цивилизации, «глобального общества», что предполагает одновременно и широкомасштабную социальную эксклюзию, в процессе которой страны и регионы, не воспринявшие ценностей нового глобального общества, будут находиться (скорее всего, даже добровольно) вне мировых цивилизационных процессов и механизмов глобального социального обмена.

Представляется эвристичной мысль российского политического философа А. С. Панарина о «небрежном» методологическом подходе к глобальному политическому прогнозированию, когда прогнозированием в основном занимаются на основе методов экстраполяции: «Будущее как экстраполяция тенденции настоящего – это позиция сегодняшнего победителя, это позиция субъекта, которому выгодно, чтобы нынешние тенденции продолжались» [4, с. 171]. Панарин призывает к новой методологической прогностической установке – «методологии фаз вызова и ответа», в рамках которой будущее будет, вероятнее всего, не продолжением тенденций настоящего, а скорее, их отрицанием. Отметим, однако, что в краткосрочной и даже среднесрочной перспективе, несмотря на наличие альтернативных прогностических сценариев глобального развития, обозначенные выше доминантные сценарии представляются наиболее вероятными.

Неофеодализм и формирование «нового средневековья» в условиях глобализации является символом завершения эпохи модерна. Парадигма Просвещения, представ-

ленная модерном, в 90-х гг. XX в. – начале XXI в. подошла к своему окончательному завершению, заключающемуся в мировоззренческом, ценностном и институциональном «исчерпании» модерна. Поэтому глобализация и постмодерн (как отрицающий и преодолевающий модерн), может быть, сами того не желая, во многом реставрируют архаические формы премодерна. Подобные процессы происходят в экономической и финансовой сфере: «На наших глазах совершается архаизация капитализма. Сегодняшний капитализм поразительно напоминает капитализм довеберовского типа, капитализм средневековых или античных спекулянтов. Глобализации сопутствует целый ряд поворотов от модерна к архаике» [4, с. 173]. Подобные же процессы происходят и в политической сфере. Они связаны с ослаблением суверенитетов государств-наций, а также легитимности самого института государства. Диалектика глобализации проявляется во взаимодействии «делокализации и релокализации» [5, с. 42]. Переход современной системы международных отношений от так называемого однополярного мира к многополюсному несет в себе множество новых опасностей. Однополярная и биполярная системы мироустройства являются гораздо более устойчивыми и предсказуемыми, чем многополярная – неустойчивая, динамичная и, соответственно, менее предсказуемая. В этом плане мир сегодня сталкивается с переходом от глобального устойчивого доминирования к системе неустойчивого хаоса (глобальное «общество риска»), связанного с увеличением неопределенности, хаотичности и непредсказуемости, количественным и качественным возрастанием рисков во всех сферах. Элементы дезинтеграции, расколы (цивилизационные, политические, религиозные) проявляются во всех сферах.

В подтверждение теорий «нового средневековья» линии разлома все так же пролегают по уровню мобильности, прежде всего пространственной, географической. Как и ранее, высшие слои общества практически не знают национальных и географических границ (обладая большой свободой передвижения и космополитическими взглядами на мир), в то время как низшие фактически живут в некрепостном состоянии [6; с. 100–101; 7].

Вторым доминантным сценарием развития мировой цивилизации является возможность создания единой человеческой цивилизации, «глобального общества» (global society) и, соответственно, новой универсальной глобальной идеологии. Принципиальное различие между сценариями «нового средневековья» и «глобального общества» заключается в том, что «новое средневековье» подразумевает исходную (априорную) раздробленность и столкновение цивилизаций (С. Хантингтон) и конкретных государств («Эра Разобщенного Мира» И. А. Ефремова, которая может смениться «Эрой Большой Войны»), в то время как проект «глобального общества» при наличии маргинальных регионов все-таки подразумевает создание единой мировой цивилизации на общих ценностных и мировоззренческих основаниях (кантовское всемирное правовое государство, «Эра Мирового Воссоединения»). В данном сценарии маргинальные регионы представляют собой полностью локализованные и исключенные из мирового развития архаические очаги, фактически никак не влияющие на мировое социально-экономическое и цивилизационное развитие.

В рамках данного исследования представляет интерес реальный потенциал создания глобального общества и возможность появления в ближайшем будущем новой глобальной идеологии, что напрямую связано с двумя вопросами:

- 1) существует ли субъект данной идеологии – «глобальное общество», чьи потребности и интересы будет выражать новая глобальная идеология;
- 2) способен ли XXI в. создать некие универсальные принципы, выражать которые и призвана новая глобальная идеология.

Обратимся к рассмотрению данных вопросов. В ряде исследований [8, с. 5–6, 9, с. 91, 95] наряду с термином «глобальное общество» употребляется термин «мировое

общество», причем используются данные термины исключительно как синонимы. На наш взгляд, более корректным и более эвристичным является принятый в англоязычной литературе термин «глобальное общество» [10, с. 163; 11, с. 131], который сегодня широко используется в экономике, социологии, политических науках, футурологии, глобалистике и т. п.

Глобальное общество подразумевает не просто определенную (очень высокую в силу именно глобализационных и интеграционных процессов) степень взаимодействия человеческих сообществ, но наличие общих мировоззренческих ценностей, на основе которых могут быть выстроены политические и социальные институты, системы права и морали. Речь идет не о тотальной унификации и гомогенности, а о наличии необходимого intersubjectивного фундамента понимания. До тех пор пока данный мировоззренческий (и, безусловно, идеологический) фундамент не будет создан, невозможно вести речь о глобальном обществе.

Последняя треть XX – начало XXI в. представляет собой время радикальных перемен во всех сферах. Мы являемся свидетелями технической и технологической революции, фундаментальных экономических, социальных и политических трансформаций. Постсовременность поставила человечество перед новыми проблемами, связанными с «пределами роста» (демографические, экологические проблемы и др.). Существенные изменения происходят и в сфере мировой политики. Появление новых политических акторов и процесс становления глобального общества связан с вопросами формирования новой политической подсистемы, новых типов легитимации глобальной политической власти, формированием нового мирового порядка управления. В начале XXI в. активизировались дискуссии о кризисе национального государства как полноценного субъекта мировой политики, о появлении новых политических акторов, таких как транснациональные корпорации (ТНК), государства-корпорации, государства-регионы и империи нового типа [12, с. 8–11; 13, с. 225–226].

Наблюдаемые сегодня социально-экономические и политические процессы свидетельствуют о том, что мировая политическая система после периода дестабилизации (последняя треть XX – начало XXI в.) и существования полицентричности снова нацелена на формирование нового глобального властного и правового порядка, который У. Бек называет понятием «космополитический режим».

Формирующиеся сегодня тенденции и процессы представляют собой пространство мировой политики, где различные политические акторы преследуют собственные интересы, а легитимность политических игроков оформляется исходя из стратегических перспектив их политических действий. Пока нельзя вести речь о едином источнике легитимности космополитического режима. Постсовременность (постмодерн) сохраняет остатки традиционного премодерна и модерна, например пытается обосновать легитимность современных государств традиционными средствами (например, все той же апелляцией к нации), что, по мнению У. Бека, является недальновидным и даже фундаменталистским. С этой точки зрения национализм является признаком слабых, которым и для преодоления своего неблагоприятного положения, и для психологической компенсации необходимо объединение в группы (этносы, нации) и формирование группового сознания (национализм, этноцентризм). Слабый не хочет остаться наедине ни с самим собой, ни со всем миром. Современная ситуация такова, что, хотя национальное государство как феномен модерна находится в глубоком кризисе и не имеет, как полагает У. Бек, глобальных стратегических перспектив, но мышление и политиков, и обывателей еще не изменилось, оно остается пронизано национальными категориями: «Космополитизация кажется нереальной, потому что происходит вне сферы видимости с точки зрения прежних категорий. Что является национальным? Мышление. Что таковым больше не является? Действительность» [14, с. 25].

В эпоху постмодерна существующие политические режимы исходят из различных, зачастую противоречащих друг другу источников легитимности. Так, сторонники национализма и защитники идеи национального государства исходят из его *status quo* и видят новый мировой порядок как следствие национально-государственной легитимности: «методологический национализм предполагает национальное государство в качестве неизменного и абсолютного источника легитимности наднациональных норм и организаций» [15, с. 37]. Для политических сил, стремящихся удержать свою власть при помощи национально-государственной легитимности, ситуация остается практически неизменной: идеи узкого национализма будут подпитываться и эксплуатироваться до тех пор, пока они будут работать. У сторонников формирования и распространения космополитического режима источник легитимности иной – вненациональный и внегосударственный. Но это также сама себя обосновывающая легитимность. Российский исследователь Р. С. Зуйков отмечает, что целью такой метаигры мировой политики является легитимация различных политических порядков. Вне этого никаких иных целей мировая политика постмодерна не имеет [9, с. 98].

Критическому анализу формирования и развития идеологии космополитизма, а также перспективам превращения ее в новую глобальную идеологию посвящены работы ведущих мыслителей современности У. Бека, И. Валлерстайна, З. Баумана, Э. Хобсбаума, Э. Гидденса, Ж. Аттали, К. Аппиа. Национальное государство в условиях глобализации находится в состоянии глубокого кризиса, с точки зрения У. Бека или П. Ханна, необратимого. Ханна полагает, что сопротивляться глобализационным процессам неразумно и бессмысленно. Причинами этого кризиса является постепенное исчезновение нации как субъекта мировой политики, размывание суверенитета национальных государств и глобальный кризис легитимности государственной власти. Всплеск в начале XXI в. национализма по всему миру является, с одной стороны, признаком агонии государства-нации, с другой – попыткой реставрации устаревших институциональных форм модерна, фактически препятствующих прогрессивному политическому и социально-экономическому развитию.

Современная мировая экономика, носящая транснациональный характер, также подрывает основы территориально ограниченного национального государства. Результатом кризиса национального государства в политической сфере становится появление и укрепление новых форм государственных образований: государства-корпорации, государства-региона, империи нового типа, государства-цивилизации (П. Ханна). Одновременно кризис национального государства порождает кризис национальной идентичности и распространение космополитических идей и ориентаций, прежде всего среди элиты и представителей креативного класса и «уверенного» среднего класса. Таким образом, идет, хотя и медленно, процесс одновременного формирования глобального общества и новых мировоззренческих оснований и ценностей постсовременности

Ускорение процессов глобализации (после распада социалистической системы и СССР), миграционная политика развитых западных стран и распространение идей мультикультурализма привели к широкому распространению идей космополитизма. С начала 1990-х гг. можно говорить о новой волне космополитизма и о формировании идеологии космополитизма как самостоятельного политического проекта. У. Бек, отмечает российский исследователь А. В. Логинов, «сознательно придает понятию космополитизма статус идеологического. Этот термин приобретает у него политическую направленность. Космополитизм должен прийти на смену идеологиям XX в.» [16, с. 26].

В начале XXI в. появляется (уже не в теории, а в реальной жизни) и новый тип человека, в полной мере соответствующий космополитической эпохе, – номадический кочевник (Ж. Аттали). Новая кочевая элита – элита глобального общества, которая по своему мировоззрению и образу жизни имеет космополитический характер и прак-

тически полностью оторвана от своих национальных корней. Для нее не существует понятий родины, отечества, патриотизма. Ж. Аттали в нашумевшей книге «Линии горизонта» (1992) рисует мондиалистский проект глобального общества будущего, где триумф экономики и власть денег обеспечат неизбежный переход от различных типов общественного уклада к общепланетарному глобальному единству и гомогенности. Технологическая революция и новая финансовая система виртуальных денег способствуют формированию глобального общества кочевников.

Сегодня кочевники-номады успешно материализовались в мировую космополитическую элиту (Илон Маск, Билл Гейтс, Марк Цукерберг, Стив Джобс, Джефф Безос) и представителей «креативного класса» (термин, предложенный Р. Флоридой). Этот тип человека активно популяризируется и закрепляется как модный тренд в поколениях новых кочевников Y и Z. Остальным, отмечает Ж. Аттали, придется «либо конформировать с этим обществом кочевников, либо быть из него исключенным» [Цит. по: 17, с. 6].

В какой-то степени вторя Ж. Аттали, З. Бауман выделяет различные типы современных кочевников: фланер, турист, бродяга, игрок. Ни у кого из них нет родины. Ни к чему не привязываясь, все воспринимая как случайную игру, идет по жизни фланер; турист по доброй воле является гражданином мира; бродяга, современный киник, везде чужой, он нигде не дома. Он человек без гражданства. Житель современных мегаполисов, да и просто крупных городов постепенно теряет связь с местом и социальной общностью, которая характерна для жителей сельской местности. У многих жителей развитых стран происходит так называемая глобализация биографии, включающая в себя привязанность одновременно к нескольким различным местам, странам, культурам или непривязанность ни к чему: «Когда туризм становится образом жизни... возможность превращения мечты о доме в реальность столь же пугает, как и возможность того, что она никогда не осуществится. Тоска по дому не единственное чувство туриста, другим является страх привязаться к дому, привязаться к месту, а значит, лишиться возможности ухода из него... Излюбленный лозунг туриста “мне нужно больше пространства”. И именно пространства он меньше всего находит дома» [18, с. 150]. Хотя Ж. Аттали ту же самую ситуацию оценивает по-другому: «кочевник будет “у себя” повсюду, по меньшей мере, если он удовлетворится самим собой» [Цит. по: 17].

Устаревшие формы идентичности модерна исчезают прямо на глазах. Но сама проблема идентичности пока остается, она по-новому реконструируется и переопределяется. В отличие от идентичности премодерна и модерна идентичность постмодерна, во-первых, все меньше связана с этническими, национальными и государственными (например, гражданством) параметрами; во-вторых, определяется сегодня более лабильными сетевыми сообществами с нестрогими каналами входа-выхода; в-третьих, становится свободным поиском и даже игрой в идентичность. Модные и ожесточенные споры об идентичности постмодерна, поколенческой специфике Y и Z, новых, прежде всего сетевых сообществах отражают суть проблемы: идентичность модерна с ее четкими строгими контурами, неизменной сущностью (*cogito ergo sum*) прекращает свое существование. Идентичность постмодерна характеризуется номадичностью во всех смыслах: текучестью, непостоянством (избеганием фиксации), отсутствием единого центра (децентричность, полицентричность), ризоматичностью, десакрализацией, игровым характером (игрой «коротких партий», стремлением жить одним днем, не привязываться к месту, людям, семье и даже полу) и бесконечной вариативностью. Если идентичность модерна, отмечает Бауман, искала спасения от неясности, то идентичность постмодерна прекрасно себя чувствует в мире неясностей. Она легка на подъем, и ее так же легко трансформировать сегодня, как поменять одежду или прическу.

Таким образом, мировоззренческий и ценностный фундамент постмодерна постепенно переходит из теории в область практической реализации. Такими общими мировоззренческими основаниями постсовременности становятся следующие принципы.

1. *Дефрагментация и интеграция пространства* и (благодаря современной технике и информационно-коммуникационным технологиям) фактическое преодоление (сокращение) пространства («исчезновение географии»). Следствием этих процессов является постепенное превращение мира в «глобальную деревню» (М. Маклюэн). Если пространство становится глобальным, то время перестает быть таковым.

2. *Фрагментация времени*: «распадение времени на эпизоды, каждый из которых самодостаточен. Время больше не река, а скопление запруд и омутов» [18, с. 146]. Как следствие, исчезновение времени как потока, как длительности. Отсюда отказ от опыта прошлого и истории (отказ от метанарраций и легкость в реконструировании истории, например в виде фэнтези), установка на «жизнь сегодняшним днем», акцент на сиюминутности и сенсационности происходящего.

3. *Отказ от индивидуума и переход к дивидууму*, связанный с отказом от понятия человеческой сущности (в чем бы она ни заключалась), кризисом и постепенным исчезновением старых форм идентичности.

4. *Номадизм как образ жизни и мироустройства*. З. Бауман отмечает: «Сам мир превращается в бродягу, и это происходит очень быстро. Мир сам себя перекраивает по мерке бродяги» [18, с. 148].

5. *Деэтизация и эстетизация мира постмодерна*, заключающиеся в попытке ухода от «вечных» метафизических вопросов; отказ от «глубины» и «высоты» как остатков метанарраций и поиск смысла на поверхности, фактически «скольжение по поверхности». Мир воспринимается как игровой конструктор, который может принять абсолютно любую форму по желанию игрока. Акцент в конструировании и самого человека постмодерна, и мира сделан именно на эстетизацию всего происходящего: и самого процесса «творения», и того результата, который должен быть получен.

У. Бек подводит итог происходящему в политической, социально-экономической и культурной сферах: «Космополитическое мировоззрение означает, что в мире глобальных кризисов и угроз, порожденных развивающейся цивилизацией, все прежние разграничения между внутренними и внешними сферами, между национальным и международным, “нами” и “ними” уже не годятся для жизни. Напротив, чтобы выжить, необходим новый космополитизм» [14, с. 20].

В работах У. Бека «Космополитическая Европа», «Космополитическое мировоззрение», «Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма» проводится идея: космополитизм может стать новой глобальной политической идеологией XXI в. Космополитизм становится знаковым символом эпохи «рефлексивного модерна» (эту эпоху другие мыслители называют постмодерном). Бек подвергает критике противников глобализации и космополитизма за устаревшее архаичное мышление, возрождающее ценностные установки модерна, которые, согласно исследователю, безнадежно устарели: все старые точки отсчета потеряли свою значимость. Рано или поздно, но глобализационные процессы наберут необходимые обороты, что приведет к исчезновению «реликтового излучения» модерна, и наступит совершенно новая эра. В неизбежном приходе новой парадигмы мышления, новой исторической эры, нового типа человека и новой глобальной идеологии исследователь не сомневается.

Роберт Файн рассматривает фигуру У. Бека в качестве прямого преемника космополитических идей И. Канта, Г. Гегеля, Э. Дюркгейма, Р. Арона. Бек пишет о «космополитизации реальности», которая, отмечает Р. Файн, вытекает из того факта, что человечество сегодня сталкивается с общими глобальными рисками, переход от «методо-

логического национализма» к «методологическому космополитизму» является ключевым вызовом, стоящим перед современной гуманитарной наукой [19, с. IX–X].

Обращаясь к соотношению понятий «глобализация», «глобализм», «космополитизм», «постмодернизм» в работах Бека, необходимо отметить, что космополитизм рассматривается как процесс, осуществляющийся параллельно глобализации. Если под глобализационными процессами понимается экономическая и торговая интеграция, то космополитизм охватывает процессы прежде всего культурной, социальной и духовной жизни современного общества. Одновременно космополитизм (подпитываемый мультикультурализмом и легитимацией «инаковостей») по духу противоположен глобализму, выступающему для Бека синонимом вестернизации. Подход глобализма озвучен в мондиалистском проекте Ж. Аттали, который для решения грядущих глобальных проблем современности предлагает установить жесткий политический контроль на мировом уровне, создать «планетарную политическую власть».

Показательно отношение Бека к постмодернизму, в котором он видит фундаменталистские черты, обнаруживая в «постмодернистской романтике» опасности «нового средневековья» (постмодерн как в какой-то мере отказ и преодоление модерна поневоле реконструирует и реставрирует некоторые институты премодерна). Постмодернизм все равно пытается привязать человека к какой-либо культуре. В этом плане постмодернизм скорее является врагом космополитизма.

В идеологическом ракурсе космополитизм представляет собой интегральную идеологию, включающую в себя принципы других трендовых сегодня идеологий, претендуя на некое широкое обобщение общей идеологической ситуации первой половины XXI в.

Принципиальная особенность космополитического режима, космополитического суверенитета заключается в том, что космополитизм как потенциально новая глобальная идеология выходит за пределы «частичных» и «локальных», по существу «классовых» идеологий, каковыми были все так называемые глобальные идеологии XIX–XX вв. Методологические претензии идеологий либерализма, консерватизма и социализма на глобальный характер – это фактически претензии на метафизический и религиозный универсализм. Однако в реальности данные идеологии исходили из наличия внешнего (враждебного или отличающегося от них) порядка. Космополитизм, если его домысливать до логического завершения, фактически представляет собой секуляризованный Божественный порядок [15, с. 400].

Интегральный характер космополитизма проявляется в потенциальном включении в систему своих принципов и ценностей ключевых положений из идеологий феминизма, экологизма, мультикультурализма, а также, возможно, современных версий либерализма (например, либертарианства) и социал-демократии.

Заключение

Можно сделать следующие выводы.

1. В исследованиях западных социально-политических мыслителей (У. Бек, З. Бауман, И. Валлерстайн, Ю. Хабермас, С. Хантингтон, Ж. Аттали и др.) 1990-х – начала 2000-х гг. проведен критический анализ обществ позднего «рефлексивного модерна», охарактеризован теоретико-методологический фундамент постмодерна; приведены конкретные примеры реализации принципов постмодерна в антропологии, культурной и социальной политике, экономической и политической сферах. Если в работах 1970–90-х гг. постсовременность рассматривалась в основном в теоретическом и методологическом ракурсах, то исследования конца XX – начала XXI в. посвящены практическому преломлению фундаментальных оснований постмодерна в различных сферах. Если в 1970–80-е гг. постмодерн был теоретическим проектом и культурным экспе-

риментом, то в первой трети XXI в. он прочно вошел во все жизненные сферы. Если мышление простых обывателей еще осталось в модерне, то мышление новой элиты и представителей молодежи, а также сама действительность однозначно находятся в постмодерне.

2. Среди двух доминантных сценариев мирового политического развития («новое средневековье» и «глобальное общество») наиболее вероятным представляется именно второй сценарий – постепенное формирование глобального общества глобальной мировой идеологии. Во-первых, сценарий «нового средневековья» вовсе не противоречит мондиалистским или космополитическим сценариям, а может стать их удобным дополнением. Во-вторых, сценарий «глобального общества» является более безопасным и перспективным как для мировой элиты, так и для существующих сегодня национальных элит, которые также мечтают стать частью мировой. Т. е. постепенно формируется субъект глобального общества. В-третьих, сама логика социально-экономического и технологического развития современной цивилизации говорит о необходимости создания глобального общества для решения глобальных проблем современности; формирования глобальной элиты для ответов на новые технологические вызовы и создания мировоззренческой и ценностной матрицы постсовременности.

3. На основании постепенно формирующейся системы ценностей и мировоззренческих принципов глобальное общество становится субъектом новой глобальной идеологии. Скорее всего, космополитизм как глобальная идеология инкорпорирует принципы мультикультурализма, феминизма, экологизма, технократизма, либертарианства и современной социал-демократии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Held, D. Cosmopolitanism. Ideals and Realities / D. Held. – Cambridge : Polity Press, 2010. – 306 p.
2. Introduction // Cosmopolitanisms / ed. by B. Robbins, P. Lemos Horta. – New York : University Press, 2017. – 289 p.
3. Панарин, А. С. Глобальное политическое прогнозирование : учеб. для студентов вузов / А. С. Панарин. – М. : Алгоритм, 2000. – 348 с.
4. Панарин, А. С. Глобальное политическое прогнозирование (фрагменты выступления на методологическом семинаре в МОСГУ) / А. С. Панарин // Знание. Понимание. Умение. – 2004. – № 1. – С. 171–173.
5. Бек, У. Что такое глобализация / У. Бек ; пер. с нем. А. Григорьева, В. Седельника ; общ. ред. и послесл. А. Филиппова. – М. : Прогресс-Традиция, 2001. – 304 с.
6. Савченко, И. А. Зависимое развитие: печальная правда современности / И. А. Савченко // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. – 2008. – № 3 (27). – С. 99–104.
7. Савченко, И. А. Средневековье постсовременности и глобальные трансформации [Электронный ресурс] / И. А. Савченко // Соврем. исслед. соц. проблем : электрон. научн. журн. – 2013. – № 5 (25). – Режим доступа: http://journals.org/index.php/sisp/article/view/5201310/pdf_133. – Дата доступа: 11.08.2019.
8. Мартинелли, А. От мировой системы к мировому обществу? / А. Мартинелли // Социол. исслед. – 2009. – № 1. – С. 5–15.
9. Зуйков, Р. С. Идеология мирового общества: политико-системный анализ / Р. С. Зуйков // Век глобализации. – 2014. – № 2. – С. 91–104.
10. Avery, J. Towards a Sustainable Global Society / J. Avery // A World at the Crossroads: New Conflicts, New Solutions / ed. by J. Rotblat, S. Hellman. – London, 1994. – P. 163–171.

11. Dingwall, R. Professions and Social Order in a Global Society / R. Dingwall // Revista Electronica de Investigacion Educativa. – 2004. – Vol. 6, № 2. – P. 131–140.
12. Ханна, П. Второй мир / П. Ханна. – М. : Европа, 2010. – 616 с.
13. Назарова, А. Ш. Воззрения Парага Ханна на глобализационные и геополитические тенденции цивилизации XXI века / А. Ш. Назарова // Вестн. экономики, права и социологии. – 2012. – № 2. – С. 224–226.
14. Бек, У. Космополитическое мировоззрение / У. Бек. – М. : Центр исслед. постиндустр. о-ва, 2008. – 330 с.
15. Бек, У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия / У. Бек ; пер. с нем. А. Б. Григорьева, В. Д. Седельника. – М. : Прогресс-Традиция : Территория будущего, 2007. – 464 с.
16. Логинов, А. В. Кризис современного государства и идеология космополитизма / А. В. Логинов // Вестн. РГГУ. Сер. Философия. Социология. Искусствоведение. – 2011. – № 15 (77). – С. 22–30.
17. Левалуа, К. Сочти число Зверя. Замечания о книге Жака Аттали «Линии горизонта» / К. Левалуа // Элементы. Евразийское обозрение. – 1992. – № 2. – С. 3–8.
18. Бауман, З. От паломника к туристу / З. Бауман // Социол. журн. – 1995. – № 4. – С. 133–154.
19. Fine, R. Cosmopolitanism / R. Fine. – London ; New York, 2007. – 179 p.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 11.10.2019

Semenova V. N. The Potential of Cosmopolitanism as a New Universal Ideology in the Context of Globalisation

The article analyzes the main approaches to the essence of globalization and describes a new stage of globalization processes at the beginning of XXI century. Much attention is given to such prognostic factors in the development of the modern world as «new Middle Ages» and «global society». It is spoken in detail about the potential of cosmopolitanism as a new global ideology. The author carries out a comparative analysis of the concepts «globalization», «globalism», «cosmopolitanism» and «postmodernism». It is concluded that in XXI century the formation of a new global ideology is inevitable.